

понятие относительное, зависящее от культуры или социума, в которых эти феномены встречаются. Наиболее популярной сферой-источником прецедентности в романе «Любовь и так далее» выступает искусство (музыка, а также литература, кинематограф, живопись), меньше представлены, но присутствуют: религия, фольклор, спорт, история.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красных, В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
2. Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / В. В. Красных [и др].; ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : «Филология», 1997. – Вып. 1. – 192 с.
3. *Должикова, С. Н.* Прецедентные феномены в английском языке [Электронный ресурс] / С. Н. Должикова. – Режим доступа : http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2011_2_18.pdf. – Дата доступа : 14.01.2017.
4. *Barnes, J. Love, etc* / J. Barnes. – London: Picador, 2001. – 249 p.

ТОПОС ГОРОДА В РОМАНАХ ЕВРЕЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А. КАГАНА)

Е. В. Ершова

Минский государственный лингвистический университет

Изучение мультикультурной литературы является актуальной проблемой литературоведения. Рассмотрение творчества еврейских авторов в межкультурном контексте детализирует сложную матрицу литературы США. Исследование категории пространства в произведениях еврейско-американских авторов вызывает особый интерес, благодаря созданию ими новой пространственной модели. История еврейского народа связана с постоянным изгнанием и перемещением на изолированные территории.

А. Каган – первый восточноевропейский мигрант-еврей, который опубликовал свой роман на английском языке. В своем творчестве он затрагивает проблемы ассимиляции в еврейском гетто Нью-Йорка, трудности и надежды миграции.

Современность (modernity) – момент в культуре, когда наблюдается разрыв с прошлым и его традициями. Данный период характеризуется интенсивной индустриализацией, распространением капитализма, изменением объемов производства и потребления, стремительным развитием техники, урбанизацией, массовой внутренней и внешней миграцией. Данные явления привели к глобальным социальным изменениям, которые выразились в фундаментальном сдвиге во взаимодействии людей. Интенсивный приток различных этнических групп в США привел к созданию диаспор и развитию межкультурных контактов внутри одной страны [1, с. 4]. Со-

циальные перемены привели к новому пониманию расы и этноса, которые отразились и в литературном творчестве, и в изменениях в литературной форме. Однако при анализе литературы США XX века недостаточно внимания уделяется кросскультурному аспекту, повлиявшему на ее формирование и являющемуся центральным для этого периода.

Работы американских авторов еврейского происхождения изучались в основном только в связи с вопросами идентичности, выживания и ассимиляции в новой культурной среде, но не в межкультурном контексте. Данный контекст рассмотрения творчества еврейских авторов детализирует сложную матрицу литературы США.

С 1880 по 1920 гг. более двух миллионов евреев мигрировали из Восточной Европы, спасаясь от антисемитизма. У данной этнической группы наблюдается разительное отличие прошлого от настоящего, выраженное в нескольких планах: 1) пространственный – их жизнь связана с фактическими географическими перемещениями и новыми понятиями дома и идентичности; 2) темпоральный, 3) риторический – еврейские авторы перешли от написания автобиографий к художественным произведениям и непосредственно романам, экспериментируя с данным жанром [2, р. 9].

С целью успешной ассимиляции мигранты были вынуждены уходить от собственных традиций и культуры, в результате чего стиралась их идентичность и происходил отрыв от собственной истории. Им пришлось отказаться от устоявшихся ценностей, взглядов на семью и религию, что привело к улучшению их социального статуса, однако вызвало критику в отношении слишком быстрой ассимиляции и успешного подъема по социальной лестнице.

Писатели-евреи пытались приобрести новую идентичность, сохраняя связь с прошлым. Авторы, которые представляли этническое меньшинство, переживали кризис репрезентации, который являлся результатом социоисторических изменений, а искусство воспринимали как реакцию на фрагментацию современного мира. Своей основной задачей они считали нахождение путей изображения дислокации и изменение отношения к своему этносу.

К XX веку увеличилось количество произведений представителей этнических меньшинств, а их излюбленным жанром стал роман. Развитие данного жанра связано с развитием индустриального капитализма, где основным явлением стала миграция населения в город. В 1880 году половина всей рабочей силы США была сконцентрирована в агрокультуре, а в 1920 года только четверть населения работала в данной сфере. Внешняя и внутренняя миграция населения привела к росту городов и развитию городской культуры. Американцы всегда разграничивали население на белое и небелое, дабы оправдать рабство афроамериканцев и уничтожение индейцев. Но когда поток мигрантов из Старого Света увеличился, началась расовая категоризация внутри белой группы. Лучшими считались мигранты, прибывшие

намного раньше, англо-саксонского или западноевропейского происхождения. Выходцы из Восточной и Южной Европы и Азии находились внизу иерархической лестницы.

Интенсивная литературная деятельность мигрантов с конца XIX века и восприятие Америки как мультикультурной страны привели к возникновению т.н. мультиэтнического письма («multiethnic writing»). Данные авторы начинали с национальной беллетристики, использовали свои диалекты и включали межкультурный аспект, что изменило литературу XX века.

Рассмотрение категории пространства в произведениях еврейско-американских авторов вызывает особый интерес, благодаря созданию новой пространственной модели. История еврейского народа связана с постоянным изгнанием и перемещением на изолированные территории. В Америке таким местом стал нью-йоркский Нижний Ист-Сайд. Проблемы данного гетто затронуты в творчестве многих авторов, в том числе Аврама (Аб) Кагана (Кахан, Abraham Cahán, 1860–1951).

А. Каган – первый восточноевропейский мигрант-еврей, который опубликовал свой роман «Екл: Сказка Нью-Йоркского Гетто» (“Yekl: A Tale of the New York Ghetto”, 1896) на английском языке. В своем творчестве он затрагивает проблемы ассимиляции в еврейском гетто Нью-Йорка, трудности и надежды миграции.

В своем первом романе Каган показывает перемещение главного персонажа Екла из Российской империи в американский Бостон, а затем Нью-Йорк, и изменения в его жизни в результате этих перемещений. Живя в Бостоне, Екл часто вспоминает о своих жене и сыне, оставшихся на родине. В американском мегаполисе его затянула насыщенная жизнь, ведь новая среда коренным образом меняла личности мигрантов и отрывала их от корней. Воспоминания о родных начали казаться сном.

В рассказе «Предопределенный брак» («A providential Match») А. Каган демонстрирует трансформацию социальной позиции еврейского мигранта. Будучи слугой богатого винокура, Ровке переезжает в Америку с целью скрыться от воинской повинности. Путь главного персонажа Ровке от уличного торговца до владельца собственной лавки противопоставлен судьбе его бывшего хозяина на родине, который разорился. В данном рассказе демонстрируются новые возможности в Новом Свете для всех мигрантов. Несмотря на тяжелый труд, в конечном счете каждый может достигнуть достойного уровня жизни и быть оцененным лучше, чем на родине.

В рассказе «Свадьба в гетто» («Ghetto Wedding») два главных персонажа Натан и Голди планируют свадьбу, которая постоянно откладывается из-за финансовых проблем. У невесты возникает план организовать шикарную свадьбу и пригласить много гостей, за счет подарков которых торжество может окупиться. Но тяжелое финансовое положение преследует не только эту пару, немногочисленные гости отделяются грошовыми подарками, и надежды терпят крах. На дорогу домой у молодоженов нет денег, и они

идут пешком через темные кварталы Нью-Йорка, где им вслед выкрикивают антисемитские ругательства, а одна пьяная компания даже кидает в невесту картошкой [3]. Голди осознает, что главное – это не пышность свадьбы, а то, что теперь она связана с любимым человеком. Автор подробно описывает все свадебные традиции и обряды, передавая специфику и самобытность еврейской культуры, подчеркивает социально-экономические трудности, с которыми сталкиваются мигранты.

В рассказе «Обстоятельства» («Circumstances») Каган вновь сопоставляет жизнь на старой и новой родине, где адвокат Борис не мог найти себе работу из-за своей национальности. Тем не менее, несмотря на изматывающий труд в Новом Свете, который рушит его личную жизнь, он не хочет возвращаться на родину. Такой же изматывающий труд и унижения описаны в рассказе «Роман в потогонной мастерской» («Sweatshop Romance») [Там же].

Таким образом, несмотря на все преграды, связанные с тяжелыми условиями, трудной работой, тоской по родине, урбанистическое пространство американского города представляется более благоприятным и менее дискриминационным по отношению к евреям, нежели пространство Российской империи.

После Первой мировой войны точка зрения еврейско-американских авторов с оптимистического изображения ассимиляции переключилась на негативные стороны данного явления. Главным литературным достижением писателя стал выдержавший несколько изданий последний роман «The Rise of David Levinsky» («Возвышение Давида Левинского», 1917). Этот роман признан одним из самых важных романов еврейско-американской литературы, так как в нем автор показывает прозрение главного персонажа. Это история молодого религиозного эмигранта из России, который в конце XIX века попадает в «плавильный котел» Нью-Йорка и проходит путь от зеленого новичка до миллионера швейного бизнеса. Это также рассказ о том, какие моральные потери претерпел герой на этом пути.

Автор показывает отличие американского города от российского, то, как различны и настроения, витающие в воздухе: *Ten minutes' walk brought me to the heart of the Jewish East Side. The streets swarmed with Yiddish-speaking immigrants. The sign-boards were in English and Yiddish, some of them in Russian. The scurry and hustle of the people were not merely overwhelmingly greater, both in volume and intensity, than in my native town. It was of another sort. The swing and step of the pedestrians, the voices and manner of the street peddlers, and a hundred and one other things seemed to testify to far more self-confidence and energy, to larger ambitions and wider scopes, than did the appearance of the crowds in my birthplace* [4, p. 69]. Внешний облик американского города не отличается от родного города Дэвида, но люди в нем чувствовали себя уверенными в себе, так как он давал больше возможностей

Дэвид знакомится с укладом американской жизни и находит много минусов. Так, ему не нравится система американского образования, и он расценивает ее как дешевый поверхностный продукт. *There was an odd confusion of ideas in my mind. On the one hand, I had a notion that “to become an American” was the only tangible form of becoming a man of culture (for did not I regard the most refined and learned European as a “greenhorn”?)*; on the other hand, the impression was deep in me that American education was a cheap machine-made product [4, p. 129].

Нижний Ист-Сайд привлекал своей яркой самобытностью: *The East Side was a place upon which one descended in quest of esoteric types and “local color”, as well as for purposes of philanthropy and “uplift” work. To spend an evening in some East Side café was regarded as something like spending a few hours at the Louvre so much so that one such café, in the depth of East Houston Street, was making a fortune by purveying expensive wine dinners to people from up-town who came there ostensibly to see “how the other half lived”, but who only saw one another eat and drink in freedom from the restraint of manners* [4, p. 222]. Колоритный район интересовал американцев своей необычностью, но его население не принималось обществом.

Разрыв успешного бизнесмена с прошлым показан через типическую урбанистическую метонимию – интенсивное дорожное движение, когда Дэвид встречает старого знакомого, пытается его догнать и поговорить, но поток автомобилей и трамваев (“a tangle of wagons and trolley-cars”) отделяет его от приятеля и останавливает Дэвида, который начинает осознавать, что теперь между ними пропасть.

Но успешная ассимиляция в капиталистическое общество Америки не принесла ему счастья. Несмотря на все достижения, Дэвид одинок; он потерял старых и не обрел новых друзей и занимается нелюбимым делом.

Am I happy? There are moments when I am overwhelmed by a sense of my success and ease. I become aware that thousands of things which had formerly been forbidden fruit to me are at my command now... I am lonely. Amid the pandemonium of my six hundred sewing-machines and the jingle of gold which they pour into my lap I feel the deadly silence of solitude... No, I am not happy. In the city I occupy a luxurious suite of rooms in a high-class hotel and keep an excellent chauffeur and valet. I give myself every comfort that money can buy. But there is one thing which I crave and which money cannot buy-happiness. I often long for a heart-to-heart talk with some of the people of my birthplace. ... Sometimes when I am alone in my beautiful apartments, brooding over these things and nursing my loneliness, I say to myself: “There are cases when success is a tragedy”. There are moments when I regret my whole career, when my very success seems to be a mistake... I think that I was born for a life of intellectual interest. I was certainly brought up for one. The day when that accident turned my mind from college to business seems to be the most unfortunate day in my life. I think that I should be much happier as a scientist or writer, perhaps. I should

then be in my natural element, and if I were doomed to loneliness I should have comforts to which I am now a stranger [4, p. 416]. Материальное изобилие, финансовый успех и роскошь, окружающие его, не приносит счастье Дэвиду, а морально истощают его.

В своем последнем произведении автор использует английский язык, которому позавидуют его носители, для того чтобы продемонстрировать полную ассимиляцию персонажа. Каган демонстрирует идею о том, что евреи успешно могут жить вместе с американцами (“We can live alongside with you”) [2, p. 140].

Образ американских городов показывается как через перемещения и опыт мигрантов, так и через непосредственные описания городов их глазами. Основным местом жизни для еврейских мигрантов являлись отдельные районы, отражающие самобытность их стиля жизни. Американские города открывали много перспектив, которыми воспользовались еврейские эмигранты, но одновременно заставили отказаться от своего прошлого и навязали чуждый им образ жизни, в котором они не обязательно обретают счастье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бутенина, Е. М.* Мультикультурный роман США: учеб. пособие / Е. М. Бутенина. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 108 с.
2. *Kent, A. A.* African, Native, and Jewish American Literature and the Reshaping of Modernism / A. A. Kent. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2007. – 230 p.
3. *Cahan, A.* The Imported bridegroom and Other Stories / A. Cahan. – Boston : Houghton, Mifflin and Company, 1898. – 256 p.
4. *Cahan, A.* The Rise of David Levinsky / A. Cahan. – N. Y. : Penguin Books, 1993. – 421 p.

РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА АФРИКИ У Э. ХЕМИНГУЭЯ И Ж.-М. Г. ЛЕКЛЕЗИО

О. Жилевич

Полесский государственный университет

В статье осуществляется сравнительный анализ изображения африканского материка в художественных произведениях Э. Хемингуэя и Ж.-М. Г. Леклезю, в которых отразились результаты их африканских наблюдений.

Африка – загадочный, сказочный континент, полный тайн и волшебства, но вместе с тем и реально существующий. Африка – колыбель человеческой цивилизации, она тысячелетиями вдохновляет писателей, художников, музыкантов, фотографов. Африканские земли притягивают «своими величе-